ПРОЗА.

ПОѢЗДКА ВЪ ГРУЗИНО

въ 1824 году.

(Изъ Воспоминаній Ѳ. Булгарина).

... Грузино никогда не видывало незванныхъ или нежданныхъ гостей. Приглашеніе въ Грузино почиталось особенною милостью или вниманіемъ хозяина его, графа А. А. Аракчеева, и весьма многіе дорожили этимъ приглашеніемъ. Мнѣ также было весьма пріятно это вниманіе вельможи; но меня влекло туда любопытство, а не иная какая цѣль. Я ничего не искалъ! Отправился я туда съ Н. И., который также былъ приглашенъ, и, при этомъ случаѣ, везъ вкладъ въ церковь Грузинскую. Это было въ концѣ Августа.

На станціи Чудовѣ намъ не давали лошадей до тѣхъ поръ, пока не послѣдовало на то соиз-

воленіе Графа. На крышѣ станціоннаго дома устроенъ былъ телеграфъ, который немедленно приведенъ былъ въ движеніе, и чрезъ нѣсколько минутъ полученъ приказъ, также посредствомъ телеграфа: *дать лошадей*. По прекраснѣйшей дорогѣ прибыли мы къ берегу рѣки Волхова; проскакавъ девять верстъ и переправившись чрезъ рѣку, на паромѣ, мы уже были въ Грузинѣ. Господскій домъ, небольшое каменное четвероугольное зданіе въ три этажа, съ бельведеромъ, возвышался на холмѣ конической фигуры. На платформѣ холма были флигели и церковь, а по косогору и вокругъ холма разлегался обширный Англійскій садъ. Нѣсколько строеній находилось у подножія холма, на берегу, по близости перевоза, и между прочими, гостиница и инвалидный домъ. На берегу рѣки встрѣтилъ насъ полиціймейстеръ Грузина, отставной гвардіи унтеръ-офицеръ, и сталъ распрашивать: кто мы, откуда пріѣхали и куда ѣдемъ. Въ слѣдствіе отвѣта нашего, что мы пріѣхали въ гости къ Графу, полиціймейстеръ повелъ насъ въ гостиницу, и отвелъ комнаты для нашего помѣщенія. Гостиница эта не трактиръ, но просто домъ для помѣщенія гостей. Комнаты въ ней чистыя, свѣтлыя и удобныя; меблировка простая.

Было около 12 часовъ утра, когда мы пріѣхали въ Грузино. Графа не было дома: онъ отправился на торжество освященія новопостроенной цер-

кви въ военныхъ поселеніяхъ, съ нѣсколькими изъ гостей своихъ, между которыми былъ М. М. Сперанскій. Графа ждали къ обѣду.

Въ три часа пошли мы на эспланаду, передъ домомъ, и застали тутъ многочисленное общество, нѣсколько генераловъ, офицеровъ и Петербургскихъ гостей. Ждали Графа. Это мѣсто передъ крыльцомъ прелестное: огромныя липы, въ два ряда, составляютъ широкую аллею, которая ведетъ къ флигелямъ или службамъ. Видъ вокругъ безподобный! Садъ, какъ на ладони. Волховъ видѣнъ на необозримомъ пространствѣ, посреди обширныхъ луговъ, между холмами. На рѣкѣ фрегатъ, перевезенный сюда сухимъ путемъ изъ Петербурга. Кой-гдѣ селенія и шпицы церквей. Вездѣ богатая зелень и превосходныя, рослыя деревья. Но главная прелесть — это разнообразіе ландшафтовъ съ каждой точки этой вершины, господствующей надъ окрестностями. Всѣ господскія строенія въ Грузинѣ каменныя и красивыя,— это подлинно жилище вельможи.

Наконецъ пріѣхалъ Графъ, въ линѣйкѣ. Онъ былъ подвязанъ чернымъ платкомъ, страдая зубною болью. Мы всѣ пріосанились и стали въ полкруга. Графъ подошелъ къ толпѣ, поклонился всѣмъ, потомъ сталъ быстрымъ взглядомъ всматриваться въ толпу, поздоровался отдѣльно съ каждымъ изъ пріѣзжихъ изъ Петербурга.

Дали знать, что кушанье подано. Графъ взялъ

подъ руку М. М. Сперанскаго, и повелъ вверхъ, а мнѣ велѣлъ слѣдовать за собою. Когда всѣ вошли въ столовую, Графъ сѣлъ по срединѣ овальнаго стола, посадилъ возлѣ себя М. М. Сперанскаго по правую сторону, по лѣвую одного изъ своихъ подчиненныхъ генераловъ, потомъ каждому гостю указалъ рукою и мановеніемъ головы мѣсто, гдѣ онъ долженъ сѣсть, то есть на какомъ концѣ и на какой сторонѣ стола.

Кушанье было отличное, вина превосходныя, дессертъ богатый, и хозяинъ находился въ хорошемъ расположеніи духа, былъ разговорчивъ и любезенъ. Радушіе съ гостемъ — отличительная черта Русскаго характера, и я ссылаюсь на всѣхъ бывавшихъ въ домѣ Графа А. А. Аракчеева, что невозможно быть гостепріимнѣе его и любезнѣе, когда онъ принималъ человѣка не какъ начальникъ, а какъ хозяинъ дома. Послѣ перваго кушанья онъ тотчасъ завелъ разговоръ: Веселое расположеніе Графа привело всѣхъ къ веселости.

Графъ А. А. Аракчеевъ принадлежитъ Исторіи и подъ перомъ историка-философа займетъ въ ней весьма важное мѣсто. Главнѣйшее достоинство Графа А. А. Аракчеева состояло въ томъ, по моему мнѣнію, что онъ былъ *настоящій Русакъ*, какъ мы говоримъ въ просторѣчіи. Все Русское радовало его, и все, что, по его мнѣнію, способствовало славѣ Россіи, находило въ немъ покровительство. Не надобно было только ложить-

ся поперегъ на томъ пути, по которому онъ шествовалъ! Да это врядъ ли кто любитъ! Другое важное достоинство Графа состояло въ ненависти ко всякому фанфаронству и самохвальству. А неусыпность его, а быстрота въ исполненіи!... Но я позабылъ, что пишу не исторію и не біографію... И такъ, обратимся къ нашему дѣлу.

Послѣ обѣда изъ столовой мы перешли въ залу съ балкономъ на противоположную сторону отъ эспланады. Въ одномъ концѣ залы, по правую сторону, выходя изъ столовой, стоялъ столъ, съ ящиками со стекломъ, въ которыхъ хранились собственноручныя письма къ Графу Императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича, и рубаха, которую Императоръ Александръ Павловичъ, будучи Наслѣдникомъ Престола и С. Петербургскимъ Военнымъ Губернаторомъ, перемѣнилъ, однажды, у графа Аракчеева, проведя весь день на службѣ. Зала украшена была двумя прекрасными портретами, во весь ростъ, Императоровъ Павла I и Александра I.

Подали кофе. Гости остались въ залѣ, а Графъ Алексѣй Андреевичъ перешелъ съ М. М. Сперанскимъ на балконъ. Я пошелъ вслѣдъ за ними.

Графъ весьма милостиво сказалъ мнѣ: «Возьми, братецъ, стулъ, и садись съ нами!» — Я сѣлъ!

«Мнѣ говорили много — кое-чего о тебѣ,» сказалъ Графъ: «разскажи-ка намъ о своихъ странствіяхъ — вѣрно и откровенно.» — «Я иначе и не

умѣю разсказывать о себѣ,» отвѣчалъ я, и началъ повѣствованіе о моихъ военныхъ похожденіяхъ и странствіяхъ отъ Лапландіи, до скалъ Гибралтара, сокращая разсказъ, по возможности. Но Графъ самъ заставлялъ меня распространяться объ Испаніи. Когда я кончилъ, Графъ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ: «Да, братецъ, я по себѣ знаю, какъ судьба располагаетъ человѣкомъ, и какъ малѣйшее обстоятельство можетъ имѣть вліяніе на всю жизнь. Отецъ мой, бѣдный дворянинъ,» продолжалъ Графъ Алексѣй Андреевичъ: «не прочилъ меня въ военную службу. У насъ былъ родственникъ въ Москвѣ, къ которому меня хотѣли выслать, потому что онъ обѣщалъ записать меня въ какую-то канцелярію. Изъ меня хотѣли сдѣлать подьячаго, то есть, доставить мнѣ средства къ спискиванію пропитанія перомъ и крючками. Не имѣя понятія ни о какой службѣ, я даже не думалъ прекословить отцу. Между тѣмъ пріѣхали въ наше сосѣдство, въ отпускъ, два брата Корсаковы, кадеты Артиллерійскаго Кадетскаго Корпуса (нынѣ 2 Кадетскаго). Мы съ отцемъ поѣхали въ гости къ ихъ родителямъ. Лишь только я увидѣлъ Корсаковыхъ, въ красныхъ мундирахъ съ черными лацканами и обшлагами — сердце мое разгорѣлось. Я не отходилъ ни на минуту отъ кадетъ, наблюдалъ каждый ихъ шагъ, каждое движеніе, не проронилъ ни одного слова, когда они разсказывали объ

ученьѣ, о лагеряхъ, о пальбѣ изъ пушекъ. Возвратясь домой, я былъ въ лихорадкѣ; нѣсколько дней сряду кадеты днемъ и ночью видѣлись мнѣ, и наконецъ, я не могъ преодолѣть себя, бросился отцу въ ноги, и рыдая, сказалъ, что умру съ горя, если онъ не отдастъ меня въ кадеты. Мнѣ было тогда тринадцатый годъ отъ роду, и я зналъ только Русскую грамоту и четыре правила ариѳметики. Единственными моими учителями были отецъ мой и дьячекъ. Отецъ старался обучить меня хорошему почерку, — но я никакъ не могъ достигнуть до этого, и хотя въ послѣдствіи я изрѣдка чертилъ планы, но никогда не могъ писать красиво. Это самое приводило отца моего въ отчаянье, потому что красивое письмо необходимо человѣку, который долженъ выслуживаться въ канцеляріяхъ. Отецъ выслушалъ меня, поднялъ, посадилъ возлѣ себя, и сказалъ: «Я не прочь; да какъ попасть въ Петербургъ, какъ опредѣлить тебя? У меня нѣтъ ни денегъ, ни покровителей!» — «Позвольте мнѣ пойти пѣшкомъ,» возразилъ я: «я дойду какъ нибудь, брошусь въ ноги Государынѣ и она, вѣрно, сжалится надо мною. Вы мнѣ столько разсказывали о Ея благости!»... «Нѣтъ, если уже идти пѣшкомъ, такъ идти вмѣстѣ, да и терпѣть вмѣстѣ!» сказалъ мой добрый отецъ, заплакалъ и прижалъ меня къ сердцу. Продавъ все, что можно было продать, и запасшись нужными бумагами, отецъ мой отправился

со мною, на долгихъ, въ Петербургъ. Я былъ въ восторгѣ, и тогда только призадумался, когда пришлось прощаться съ доброю моею матерью. Рыдая, благословила она меня образомъ, который ношу до сихъ поръ и который никогда не сходилъ съ груди моей, и дала мнѣ одно увѣщаніе: молиться и надѣяться на Бога. Всю жизнь мою слѣдовалъ я совѣту ея!

«Въ Петербургѣ мы остановились въ Ямской, на постояломъ дворѣ, и по нашимъ деньгамъ наняли уголокъ, за перегородкой. На другой день отецъ мой нашелъ писца, который написалъ намъ просьбу, и послѣ того, отслуживъ молебенъ, мы пошли хлопотать по нашему дѣлу. Много намъ стоило ходьбы и терпѣнья, пока отъ насъ приняли просьбу. О рѣшеніи не было ни слуху, ни духу, а между тѣмъ, мы каждый день изъ Ямской ходили на Петербургскую Сторону, и ожидали на лѣстницѣ Директора Корпуса, Петра Ивановича Мелиссино, чтобъ поклониться ему и припомнить о нашей просьбѣ. При этомъ ожиданіи скудный денежный запасъ моего отца все таялъ да таялъ, и наконецъ вовсе растаялъ, такъ что намъ не осталось ни копѣйки. Положеніе было отчаянное! Отецъ мой слыхалъ, что тогдашній Митрополитъ Гавріилъ помогаетъ бѣднымъ. Нужда заставила отца моего прибѣгнуть къ прошенію помощи. Мы отправились въ Лавру. Множество бѣдныхъ стояли вокругъ крыльца. Отецъ мой

просилъ доложить Высокопреосвященному, что дворянинъ желаетъ видѣть его. Насъ впустили. Отецъ мой разсказалъ о несчастномъ своемъ положеніи и просилъ помощи. Высокопреосвященный отправилъ насъ къ казначею, и намъ выдали — рубль серебромъ! Вышедъ на улицу, отецъ мой поднесъ этотъ рубль къ глазамъ, сжалъ его и горько заплакалъ. Я также плакалъ, смотря на отца. Однимъ рублемъ мы прожили, втроемъ, то есть съ служителемъ нашимъ—цѣлыя девять дней! Не стало и рубля! Мы пошли опять на Петербургскую Сторону, и опять помѣстились на директорской лѣстницѣ. Вышелъ Мелиссино; я не далъ отцу моему говорить, выступилъ впередъ и въ отчаяньи сказалъ: «Ваше превосходительство! примите меня въ кадеты! Мы ждать болѣе не можемъ, потому что намъ прійдется умереть съ голоду. Всю жизнь буду благодаренъ вашему превосходительству, и буду молиться за васъ Богу! Батюшка мой не вытерпитъ и умретъ здѣсь, а я за нимъ!»— Слезы градомъ полились у меня. Мелиссино посмотрѣлъ на меня пристально. Я рыдалъ, а отецъ мой также утиралъ слезы въ безмолвіи. Мелиссино спросилъ меня о фамиліи, и когда подана просьба, а потомъ воротился въ комнаты, велѣлъ намъ подождать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ и, подавая мнѣ записку, сказалъ: «Ступай съ этимъ въ канцелярію: ты принятъ въ Кор-

пусъ.» Я бросился цѣловать ему руки — но онъ ускользнулъ, сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

Прежде чѣмъ идти въ канцелярію; мы пошли съ отцемъ въ церковь, и не имѣя на что поставить свѣчки предъ образомъ, помолились Богу съ земными поклонами, и вышли изъ церкви съ радостнымъ сердцемъ. На другой день я былъ принятъ въ Корпусъ. Изстари говорятъ, что счастье и несчастье приходятъ всегда со свитою своею. Отецъ мой въ тотъ же день встрѣтился съ однимъ родственникомъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы съ туго набитою мошною, и давшимъ ему денегъ на проѣздъ въ деревню. Богъ помиловалъ насъ!» Графъ при этихъ словахъ перекрестился и продолжалъ: «Этотъ первый урокъ бѣдности и безпомощпаго состоянія сильно подѣйствовалъ на меня. Я старался заслуживать милость моихъ начальниковъ, и Мелиссино особенно полюбилъ меня за мою исправность. Я былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, потомъ въ корпусные офицеры, и имъ же рекомендованъ Наслѣднику Престола, въ Гатчино. Тамъ была служба тяжелая, но пріятная, потому что усердіе всегда было замѣчено и знаніе дѣла, исправность отличены. Наслѣдникъ Престола жаловалъ меня, но иногда и журилъ крѣпко, всегда почти за неисправность другихъ. Однажды, когда мнѣ крѣпко досталось за упущеніе по службѣ караульнаго офицера—я побѣжалъ, съ горя въ церковь, и сталъ молиться, класть

земные поклоны, и чувствуя свою безвинность и думая, что лишился на всегда милости Наслѣдника Престола, не могъ удержать слезъ и даже зарыдалъ. Въ церкви не было ни кого, кромѣ пономаря, который тушилъ свѣчи. Вдругъ послышались за мною шаги и звукъ шпоръ. Я вскочилъ и утеръ слезы, оглянулся и вижу: — Наслѣдника Престола! — О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ меня ласково. — «Мнѣ больно лишиться милости Вашего Императорскаго Высочества»... — «Да ты вовсе не лишился ея!» молвилъ Наслѣдникъ, положивъ мнѣ руку на плечо: «и никогда не лишишься, когда будешь вести себя и служить такъ, какъ до сихъ поръ. Молись Богу и служи вѣрно; а ты знаешь, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ!»... Я бросился на колѣни передъ Наслѣдникомъ и, въ избыткѣ чувствъ, воскликнулъ: «У меня только и есть, что Богъ да Вы!»... Наслѣдникъ велѣлъ мнѣ встать и идти за собою изъ церкви. Я шелъ за нимъ въ молчаніи; наконецъ онъ остановился, быстро посмотрѣлъ на меня, и сказалъ: «Ступай домой... Со временемъ я сдѣлаю изъ тебя человѣка!»....

«Онъ сдержалъ слово, но за то и я былъ привязанъ къ нему душею, и теперь обожаю память его! Онъ осыпалъ меня милостями не по заслугамъ, а по благости своей»...

Графъ замолчалъ, вздохнулъ и потупилъ глаза.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ: «Въ жизни моей я руководствовался всегда одними правилами. Никогда не разсуждалъ по службѣ, когда не спрашивали моего совѣта, и всегда исполнялъ приказаніе съ буквальною точностью, посвящая все время и всѣ силы мои службѣ Царской. Знаю, что меня многіе не любятъ, потому что я крутъ — да что дѣлать? Такимъ меня Богъ создалъ! И мною круто поворачивали, а я за это остался благодаренъ. *Мягкими Французскими рѣчами не выкуешь дѣло!* (собственныя слова Графа). Никогда я ничего не просилъ для себя, и милостью Божьею дано мнѣ все! Утѣшаюсь мыслью, что я полезенъ»... При сихъ словахъ Графъ всталъ, и мы тоже встали. Онъ подошелъ ко мнѣ положилъ руку на плечо, и сказалъ съ улыбкою: «Съ пылкостью, братъ, не далеко залетишь! Терпѣнье, терпѣнье, терпѣнье!» Потомъ сказалъ нѣсколько словъ М. М. Сперанскому, и призвавъ изъ залы своего воспитанника, сказалъ ему: «Поведи его (указывая на меня) въ садъ, и покажи все въ Грузинѣ.» Я поклонился и вышелъ.

Грузинскій Англійскій садъ безподобенъ; онъ лежитъ вокругъ горы, на которой построена усадьба. Садъ вмѣщаетъ въ себѣ пруды, бесѣдки, павильоны и прелестныя рощи. Цвѣтовъ множество, растительность богатая. Съ разныхъ пунктовъ открываются прекрасные виды на Волховъ и на окрестности. Мы обошли весь садъ. Меня удиви-

ло, что въ саду нѣтъ ни одного сторожа. Но воспитанникъ Графа захлопалъ въ лодоши—и въ разныхъ мѣстахъ показались сторожа. Будки для нихъ устроены въ ямахъ, и закрыты кустами. Это что-то необыкновенное! Осмотрѣвъ чугунный портикъ, подъ которымъ стоитъ ликъ Андрея Первозваннаго, мы зашли въ церковь, подивились ея великопію, и полюбовались памятникомъ, работы знаменитаго Мартоса. Ризница богата драгоцѣнною старинною утварью. Отсюда мы прошли въ деревню или на село. Улицы выметены; домы прекрасные и выстроены въ линію; въ домахъ такая чистота, какъ въ самыхъ лучшихъ казармахъ. Въ одномъ крестьянскомъ домѣ насъ поподчивали сотами. Крестьянскій хлѣбъ превосходный. Крестьяние показались мнѣ зажиточными. Потомъ осмотрѣли мы инвалидный домъ и госпиталь. Инвалиды одѣты въ форму, бывшую при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Вездѣ удивительная чистота, порядокъ, дисциплина, все на военную ногу. Окрестныя поля воздѣланы превосходно.

Чай пили мы въ гостиницѣ, въ нашей квартирѣ, и къ вечеру отправились въ обратный путь, потому что и меня и товарища моего дѣла призывали въ Петербургъ. Оба мы остались довольны нашею поѣздкою.